

ЮЛИЯ АВИЛКИНА

НЕРАСЩЕПЛЕННЫЙ МИР

Юлия Авилкина

Нерасщепленный мир

«Автор»

2026

Авилкина Ю.

Нерасщепленный мир / Ю. Авилкина — «Автор», 2026

В тоталитарном мире «Клетки», подконтрольном Департаменту Оптимизации, учитель первой категории Фрэнсис строжайше соблюдает регламент и подавляет любые эмоции. Все меняется, когда пожилая ученица в его школе исправления Эдит открыто вспоминает о существовании настоящей мокрой травы и шуме прибоя, впервые заставив учителя усомниться в собственных идеалах. Нарушив протоколы безопасности, Фрэнсис пробирается к заброшенному дренажному коллектору и впервые касается ледяной воды запретного океана, где сталкивается с исполинским биоинженерным гибридом акулы. Когда над Фрэнсисом нависает угроза фатального нейронного сканирования, учитель принимает решение вырваться из системы. Тайно вылечив раненого морского гиганта, Фрэнсис под вой сирен совершает смертельно опасный прыжок прямо в бушующую бездну. Спасенный акулой-гибридом от, он отправляется в открытый океан — прочь от бетонированной утопии, навстречу настоящим звездам и неизвестности.

© Авилкина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Архипелаг непослушания	5
Часть 1. Пробуждение в секторе 12	6
Часть 2. Дорога в Школу	8
Часть 3. Класс №412	10
Часть 4. Трещина в зеркале	12
Часть 5. Тень в коридоре	13
Глава 2. Четырнадцать часов	15
Часть 1. Ожидание в стеклянном панцире	16
Часть 2. Архитектура побега	17
Часть 3. За герметичным затвором	18
Часть 4. На границе миров	19
Часть 5. Первое прикосновение	20
Глава 3. Ночь утилизации памяти	21
Часть 1. Соленая корка	22
Часть 2. Изъятие	23
Часть 3. Второе погружение	24
Глава 4. Молчаливый пакт	25
Часть 1. На грани разряда	26
Часть 2. Биохимия подозрения	27
Часть 3. Взгляд через линзы	28
Глава 5. Лекарство для бездны	30
Часть 1. Сорок восемь часов	31
Часть 2. Сквозь усиленный контур	32
Часть 3. Живой рубеж	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нерасщепленный мир

Глава 1. Архипелаг непослушания

«Порядок есть высшая форма милосердия. Хаос — это боль, от которой Высшие разумы нас освободили».— Из Методических указаний Департамента Оптимизации, издание третье.

Часть 1. Пробуждение в секторе 12

Сигнал утренней стабилизации прорезал тишину спальной ячейки ровно в 06:00.

Это был не резкий звонок механического будильника из полузабытых исторических хроник, а мягкий, низкочастотный пульс, исходивший из вентиляционной панели. Звук шел волнами, резонируя с костями черепа, бережно выгоняя из сознания остатки сновидений. Сновидения в Клетке считались нежелательным побочным эффектом ночной регенерации нейронов, поэтому система старалась подавлять их мягким химическим составом, распыляемым в последние сорок минут сна.

Фрэнсис открыл глаза.

Потолок ячейки — идеально гладкая матовая панель цвета слоновой кости — встретил его ровным, безмятежным свечением. Никаких теней, никаких шероховатостей. Вентиляция едва слышно шелестела, прогоняя стерильный, подогретый до двадцати одного градуса воздух с легким, почти неуловимым привкусом очищенного озона.

Фрэнсис не шевелился еще секунд десять, прислушиваясь к собственному организму. Сердцебиение — в норме, шестьдесят ударов в минуту. Мышцы расслаблены. Никаких признаков спонтанной тревожности. Его биометрический профиль оставался безупречным, и датчик, встроенный в левый наличник дверного проема, уже зафиксировал это, подав тусклый, успокаивающий зеленый сигнал.

Он сел на краю узкой койки. Матрас из упругого полимера бесшумно пружинил под его весом.

В комнате не было зеркал. Высшие разумы справедливо полагали, что созерцание собственного стареющего или меняющегося тела вызывает у человека излишний индивидуализм и нарциссизм. Вместо этого на противоположной стене располагалось большое окно-экран. Сейчас оно транслировало стандартный утренний пейзаж: бесконечные, геометрически выверенные линии городских кварталов сектора 12, выкрашенные в мягкие пастельные тона, и безупречно ровную, искусственную лазурь неба, на котором не было ни единого облака.

Фрэнсис поднялся, застегивая стандартную серую робу учителя первой категории. Ткань была легкой, приятной телу, несминаемой. Она не оставляла свободы для фантазии фасона, но зато избавляла от ежедневного выбора — одной из тех мелких, изнуряющих ментальных задач, которые, по мнению Департамента, истощают ресурс человека.

Он подошел к встроенному распределителю.

— Доброе утро, Фрэнсис, — раздался из динамика бесстрастный, мягкий женский синтезированный голос. — Ваш завтрак сбалансирован с учетом энергозатрат на первую половину дня. Рекомендовано к употреблению в течение пяти минут.

В нише появилась небольшая пластиковая пиала, заполненная густой массой нежно-кремового цвета со вкусом ванили и синтезированного злака. Фрэнсис взял ложку. Еда была теплой, однородной, абсолютно пресной — ровно настолько, чтобы утолить голод, но не вызвать всплеск вкусовых рецепторов, способных спровоцировать пищевую эйфорию.

Раньше, лет десять назад, когда он только начинал свою педагогическую карьеру в Школе исправления, этот вкус казался ему вершиной эволюционного комфорта. Никаких хлопот с приготовлением, никаких отходов, чистая биохимия на службе разума.

Но сегодня, проглатывая ложку за ложкой, Фрэнсис поймал себя на том, что механически смотрит на пластиковую стену перед собой и чувствует странную, глухую пустоту в груди.

Вчерашний вечерний отчет по сектору принес неприятные новости. Старуха Эдит, сидевшая на последнем ряду в классе №412, снова нарушила протокол молчания во время трансляции вечерних новостей. Она не кричала, не пыталась продемонстрировать свою точку зрения

всем, кто сидел рядом. Она просто тихо, едва шевеля губами, сказала соседке по парте: *«Там пахло мокрой травой. Настоящей. Не этой гарью»*.

Соседка испуганно зажала уши, а Эдит тихо улыбнулась.

Фрэнсис тогда сделал вид, что ничего не заметил. Он перевел тему лекции на стандарты распределения энергии в третьем квадранте, но в памяти почему-то застряло это слово — *трав*. В учебниках истории и биологии это слово обозначало древний, неконтролируемый растительный покров, который существовал до того, как Архипелаг был укрыт защитными куполами, а земля — закатана в безупречный, безопасный бетон.

«Это просто возрастное угасание когнитивных функций, — напомнил себе Фрэнсис, отставляя пустую пиалу. *— Старуха выжила из ума. Мозг со временем дает сбой в восприятии реальности. Моя задача — вернуть ее в рамки нормы, а не копаться в ее воспоминаниях»*.

Он ополоснул рот в автоматической раковине, проверил, ровно ли застегнут воротник робы, и шагнул к выходу.

Дверь ячейки бесшумно ушла в стену. Начался новый день в Клетке.

Часть 2. Дорога в Школу

Коридоры жилого блока в шесть часов утра были заполнены людьми, но эта утренняя толпа разительно отличалась от толп из древних документальных хроник.

Никто не бежал, не толкался, не повышал голос. Сотни людей в одинаковых серых и бежевых робах двигались по коридорам строго по разметкам, нанесенным на полимерный пол. Левая полоса — для движения к лифтовым шахтам, правая — для возвращения. Скорость шага у всех была абсолютно одинаковой — ровно сто шагов в минуту, задаваемая едва уловимым ритмичным гулом подземных стабилизаторов.

Фрэнсис шел в потоке, автоматически подстраиваясь под темп шедшего впереди мужчины. Это был немолодой техник из службы поддержания терморегуляции с бледным, почти прозрачным лицом человека, который месяцами не видит даже искусственного солнца.

Вокруг царила та самая благословенная тишина, которую Высшие разумы ставили себе в главную заслугу. Город не шумел. Он шелестел вентиляторами, гудел трансформаторами, но в нем не было человеческого галдежа, криков детей, споров или смеха. Смех в Клетке считался проявлением неконтролируемого эмоционального всплеска, способного разрушить хрупкую гармонию социального поля.

По пути Фрэнсис миновал распределительный узел центрального проспекта.

У огромной раздаточной стойки дежурил Смотритель нового поколения.

Фрэнсис старался не смотреть в ту сторону, но периферическое зрение все равно выхватывало эту жуткую фигуру. Смотритель стоял неподвижно, как изваяние из розового пластика. Его огромные, влажные, выпуклые глаза без век не моргали ни на секунду. Тонкая маслянистая пленка слезной жидкости блестела под лампами дневного света. Пальцы существа, сросшиеся в широкие лопатки, лежали на панели терминала.

«Интерфейс безопасности живой ткани, — заученно всплыла в голове цитата из служебного циркуляра. — Эволюционный шаг к искоренению человеческих слабостей».

Фрэнсис ускорив шаг, прошел мимо. От вида этого существа у него почему-то неприятно заныло под ложечкой, а во рту остался сухой металлический привкус.

Школа исправления возвышалась в центре двенадцатого сектора — монументальное здание из белого композитного материала, похожее на гигантский сталагмит, устремленный в искусственное небо. Здесь обучались подростки и проводились сеансы коррекции для тех, кто демонстрировал признаки «ментального дрейфа».

У главных дверей его ждал куратор сектора, старший наставник Вэнс.

Вэнс стоял неподвижно, заложив руки за спину. Его серый мундир сидел безупречно, а толстые линзы оптических корректоров отражали стерильный свет утренних фонарей.

— Доброе утро, коллега, — произнес Вэнс, не поворачивая головы. Его голос звучал сухо и монотонно. — Надеюсь, ваш ночной отдых был продуктивным?

— Абсолютно, старший наставник, — ровным голосом ответил Фрэнсис, останавливаясь в полутора метрах от него, как того требовал протокол субординации. — Биометрический статус в норме. Готов к проведению утренних занятий.

Вэнс медленно повернул голову. Его линзы блеснули.

— Это хорошо, Фрэнсис. Потому что сегодня нам предстоит проверить прочность некоторых... старых конструкций. Особенно в сорок втором классе. Старуха Эдит продолжает демонстрировать признаки глубокой деструктивной перцепции. Министерство уже запросило ее досье.

Фрэнсис почувствовал, как внутри него что-то напряглось, но внешне он сохранил абсолютную невозмутимость, заученную годами работы в Школе.

— Я уделю особое внимание ее психологическому состоянию на сегодняшней лекции, старший наставник.

— Уделите, — сухо бросил Вэнс и шагнул в стеклянные двери Школы. — Помните, Фрэнсис: трещина в фундаменте начинается с одной маленькой мысли о том, что мир может быть устроен как-то иначе.

Фрэнсис последовал за ним, чувствуя, как стены коридора смыкаются вокруг него с неумолимой, зловещей точностью.

Часть 3. Класс №412

Аудитория №412 встретила Фрэнсиса привычным гулом — точнее, тем подобием звука, которое в школах, принадлежащих Клетке считалось учебной активностью. Десять подростков в одинаковых серых ученических робах сидели за полусферическими пластиковыми партами, зафиксированными на идеальном расстоянии друг от друга. Никто не шептался, не переглядывался. Каждый глядел на встроенный в столешницу голографический экран, где мерцали стандартные графики распределения тепла и плотности населения в третьем квадранте.

Фрэнсис прошел к своему возвышению — небольшой круглой платформе из матового белого пластика, оснащенной сенсорным пультом управления.

Он положил ладонь на панель. Экран перед ним ожил, выведя на монитор план урока: *«Тема 14: Изоляция как высшая форма защиты от природного хаоса. Часть вторая: Границы и их неизменность».*

— Доброе утро, — произнес Фрэнсис голосом, в котором был заученно ровный педагогический баланс: достаточно мягкий, чтобы не вызывать тревогу, но достаточно твердый, чтобы поддерживать дисциплину.

Десять пар глаз синхронно поднялись от экранов. Десять лиц, бледных от постоянного нахождения под лампами искусственного спектра, посмотрели на него с абсолютно одинаковым выражением чистой, незамутненной рецепторной восприимчивости. В этом возрасте подростки еще не успевали полностью заостенеть в системе, но Департамент Оптимизации работал на опережение, заменяя любые проявления подросткового бунта унылой, стерильной дремотой.

Все, кроме одной парты в самом дальнем ряду.

Там сидела Эдит.

Ей было уже за семьдесят — по меркам Клетки возраст почтенный, почти граничащий с плановой утилизацией ресурса, но она числилась в списках «восстанавливаемых» из-за давней ошибки в распределении пенсионных коэффициентов. Эдит не смотрела на голографический экран. Ее сухие, покрытые сетью мелких морщин пальцы лежали на столешнице, а глаза — на удивление живые, карие, с лучиками у уголков — были прикованы к лицу Фрэнсиса с таким выражением, словно она пыталась разглядеть на нем следы от ожогов после пожара.

Фрэнсис отвел взгляд, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок.

— Начнем с повторения, — как можно более будничным тоном сказал он, вызывая на главный экран карту Архипелага. — Кто напомним нам основные принципы формирования внешнего барьера сектора двенадцать?

Тишина в классе длилась ровно три секунды — стандартное время обработки запроса биоинтерфейсом. Затем поднялась правая рука старосты класса, мальчика по имени Пьер — идеального образца того, каким правительство хотело видеть каждого гражданина: аккуратного, беспрекословного, с абсолютно пустым выражением лица.

— Внешний барьер сектора двенадцать состоит из трехслойного железобетонного массива и магнитной сетки высокого напряжения, — чеканил Пьер заученную формулировку. — Он предотвращает проникновение неконтролируемой влаги, агрессивных биологических форм и хаотичных течений из внешней зоны, именуемой океаном.

— Правильно, Пьер, — кивнул Фрэнсис. — Садись. И какова главная функция этого барьера?

— Защита порядка, — хором ответил класс. Синхронность была безупречной. Почти пугающей.

Фрэнсис повернулся к панели управления, собираясь переключить слайд на графики плотности осадков, но тут в тишине аудитории раздался тихий, шелестящий звук.

Скрип пластика о пластик.

Это Эдит слегка сдвинула свою парту влево — буквально на полсантиметра, нарушая священную разметку пола.

— Какой именно порядок мы защищаем, учитель? — ее голос прозвучал тихо, без крика, но в звенящей тишине класса он пронесся так отчетливо, будто в комнате лопнула струна. — Тот, в котором вода мокрая, или тот, в котором нам запрещено об этом помнить?

Пьер испуганно дернулся, уставившись в свой экран. Остальные ученики даже не повернули голов — их периферические датчики внимания были настроены на то, чтобы полностью игнорировать любые отклонения от нормы. Это был классический рефлекс самосохранения, выработанный годами: *не видишь девиации — значит, ее не существует*.

Фрэнсис замер, рука на сенсорной панели задрожала.

Он прекрасно знал, что должен сделать по инструкции. Нажать тревожную кнопку под столешницей, вызвать дежурного Смотрителя, составить протокол о «ментальном сбое» и отправить старуху на внеплановую коррекцию, после которой от ее памяти не останется даже тени. Этого требовал регламент. Этого ждал Вэнс.

Фрэнсис глубоко вздохнул, убрал руку с тревожной кнопки и посмотрел прямо на Эдит.

Часть 4. Трещина в зеркале

Время в классе словно застыло, превратившись в вязкую, давящую субстанцию.

Пьер судорожно уткнулся в свой планшет, делая вид, что полностью поглощен графиками теплоотдачи. Остальные ученики замерли, превратившись в аккуратные статуи из серого сукна и бледной кожи. Никто не смел повернуть голову в сторону последней парты. В их маленьких, методично отформатированных вселенных существовало простое правило: чужое безумие — это инфекция, и тот, кто обратит внимание на больного, рискует заразиться сам.

Фрэнсис чувствовал, как капля холодного пота медленно скатывается по его виску, застревая в складках воротника.

Его пальцы все еще лежали на сенсорной панели пульта. Зеленый световой индикатор тревожной кнопки находился в полусантиметре от его мизинца. Одно движение — легкий нажим, незаметный для класса, — и через сорок секунд в аудиторию ворвутся двое Смотрителей. Эдит уведут в распределительный блок коррекции памяти. Ее стул демонтируют еще до конца учебного дня, а в личном деле Фрэнсиса появится идеальная, безупречная запись о своевременном выявлении девиантного элемента. Система продолжит работать с прежней, пугающей гладкостью.

Но перед глазами вдруг отчетливо встал другой образ. Не учебные графики, не схемы распределения энергии, а запретные кадры из старых исторических хроник — темная, бескрайняя пучина океана, о которой так брезгливо отзывались методички, и дикий, холодный ветер, срывающийся с невзрачных серых туч.

«Мы защищаем порядок, который убивает все живое», — пронесли в голове слова, которые он никогда бы не осмелился произнести вслух.

Фрэнсис с трудом разжал пальцы и убрал руку с пульта. Он выпрямился во весь рост, стараясь придать своему голосу ту самую менторскую твердость, которую от него ожидали стены Школы.

— Эдит, — произнес он, и звук его собственного голоса показался ему чужим, сорванным изнутри тонкой проволокой. — Вопросы, выходящие за рамки утвержденной учебной программы квадранта, подлежат обязательной утилизации как когнитивный шум. Твои формулировки... нецелесообразны.

Старуха не ответила. Она не опустила глаза и не попыталась сжаться, раствориться в серости парты, как сделали бы остальные. Напротив, она слегка подалась вперед, и в ее глазах мелькнуло что-то до боли человеческое — горькая, уставшая насмешка над всей этой гигантской декорацией из бетона и пластика.

— Шум — это то, что звучит в пустой голове, учитель, — тихо ответила она, не сводя с него глаз. — А я просто помню, как шумел настоящий прибой. До того, как Высшие разумы закатали нас в эту коробку с искусственным солнцем.

По спине Фрэнсиса пробежала настоящая ледяная дрожь. Она говорила слишком громко. Если эти слова зафиксируют чувствительные микрофоны вентиляционной системы, встроенные в потолочные панели каждого класса для контроля лояльности, спасти ее — и его вместе с ней — уже не сможет никакой регламент.

— Урок окончен, — резким, почти срывающимся тоном бросил Фрэнсис, ударив ладонью по сенсору отключения главного экрана. Голограмма погасла, оставив класс в полумраке. — Самостоятельная работа по шестой главе. Задание на планшетах. Вопросы не принимаются.

Не дожидаясь стандартного звонка к перерыву, он резко развернулся и быстрым шагом вышел из аудитории, плотно прикрыв за собой прозрачную пластиковую дверь.

Часть 5. Тень в коридоре

В коридоре было пусто. Студенты из других секций находились на переходе в столовые блоки, где сейчас, ровно в девять утра, миллионы людей по всему Архипелагу синхронно получали свою порцию теплой ванильной массы.

Фрэнсис прижался спиной к прохладной стене, тяжело и прерывисто дыша.

Его пальцы крупно дрожали. Впервые за всю его долгую карьеру в Школе он не просто проявил слабость — он сознательно покрыл девианта. Он нарушил протокол безопасности. Если Вэнс узнает об этом инциденте, его собственный билет в «блок коррекции» станет лишь вопросом времени.

— Вы взволнованы, Фрэнсис.

Тихий, сухой голос раздался так неожиданно, что учитель едва слышно вскрикнул и резко отпрянул от стены.

В нескольких шагах от него, бесшумно ступая по полимерному полу в мягких форменных ботинках, стоял старший наставник Вэнс. Его толстые линзы отражали тусклый свет потолочных панелей, полностью скрывая глаза за слепыми бликами.

— Старший наставник... — Фрэнсис с трудом сглотнул вязкую слюну, выравнивая дыхание и заставляя себя принять стандартную стойку подчинения. — Я... небольшое перенапряжение нервной системы. Погода в жилом секторе ночью была... нестабильной.

Вэнс медленно приблизился. От него исходил запах того же сухого, безжизненного антисептика, который всегда можно было почувствовать в кабинетах министерских инспекторов.

— Погода в жилом секторе полностью контролируется центральным процессором, — холодно заметил куратор, останавливаясь в шаге от него. — Нестабильной она быть не может. Разве что в чем-то поврежденном сознании.

Вэнс сделал паузу, словно взвешивая каждое слово на невидимых весах.

— Я слушал аудиозапись из сорок второго класса, — продолжал он тихим, ровным тоном. — Акустические датчики зафиксировали несанкционированное высказывание объекта «Эдит». И они же зафиксировали вашу... заминку перед тем, как вы прервали занятие. Вы не нажали сигнал тревоги, Фрэнсис. Почему?

Мир вокруг учителя сузился до размеров этой узкой белой стены и холодных бликов на очках куратора. Секунда казалась вечностью. В этот момент Фрэнсис отчетливо понял: одна фальшивая нота, одно неверное микродвижение мускула на лице — и его жизнь, его уютная ячейка, его книги и его тайные, непристойные мысли исчезнут навсегда.

— Я посчитал, что применение экстренных мер к выживающему элементу с угасающими когнитивными функциями вызовет ненужный эмоциональный резонанс у остальных учеников, — чеканя каждое слово, ответил Фрэнсис, глядя прямо в слепые линзы Вэнса. — Процедура утилизации памяти Эдит запланирована на конец квартала. Создавать хаос раньше времени нецелесообразно. Порядок требует методичности, а не спешки.

Вэнс молчал секунд десять. Его лицо оставалось совершенно неподвижным, похожим на маску из того же материала, из которого делали лица безмолвных Смотрителей.

Наконец уголки его тонких губ едва заметно дрогнули в подобии сухой улыбки.

— Логично, Фрэнсис. Рад видеть, что ваш административный ресурс работает без сбоев, — Вэнс развернулся, собираясь уходить, но на ходу бросил через плечо: — И тем не менее, помните: старые детали имеют свойство тянуть за собой в корзину тех, кто слишком долго держит их за руки. Сегодня вечером объект «Эдит» будет передан в медицинский блок. Занятия в сорок втором классе нужно временно перевести на дистанционный формат.

Куратор растворился за поворотом коридора, оставив Фрэнсиса стоять в оглушительной, звенящей тишине.

Сегодня вечером. У него оставалось всего несколько часов до того, как хирургический скальпель навсегда сотрет последние воспоминания старухи о мокрой траве и настоящем ветре.

Глава 2. Четырнадцать часов

«Отклонение подобно раковой опухоли на теле единого организма. Его следует иссечь до того, как оно заразит соседние нейронные узлы».

— Из протоколов внутреннего аудита Департамента Оптимизации.

Часть 1. Ожидание в стеклянном панцире

День тянулся с изнуряющей, механической медлительностью.

Для остального двенадцатого сектора это был самый обычный вторник — шестнадцатый день четвертого квартала текущего цикла. На центральных дисплеях транслировались стандартные статистические отчеты об увеличении КПД жилых блоков на сотые доли процента, автоматические уборщики монотонно полировали бесшовные полы коридоров, а ученики в Школе исправления заучивали таблицы распределения атмосферного давления.

Но для Фрэнсиса время раскололось надвое.

Каждый раз, когда стрелка на настенном цифровом табло смещалась на одно деление, в груди у него нарастало тупое, давящее ощущение. До вечерней смены оставалось четырнадцать часов. Ровно в полночь, по протоколу ночной профилактики, медицинский патруль должен был забрать Эдит из ее ячейки для «глубокой аппаратной реструктуризации».

В перерыве между лекциями Фрэнсис заперся в своем небольшом методическом кабинете за стеклянной перегородкой.

Здесь не было окон — только мягкий рассеянный свет потолочных панелей. На столе стоял терминал, мигавший ровным синим индикатором готовности к запросам. Руки учителя лежали на сенсорной панели, но пальцы не двигались. Внутри него боролись два абсолютно несовместимых импульса.

Первый голос — тихий, въедливый, вышколенный годами послушания — шептал о том, что он всего лишь винтик огромного, безупречного механизма. Эдит стара, ее когнитивный ресурс исчерпан, а любые попытки вмешаться в регламент министерства не просто бессмысленны — они самоубийственны. Система не прощает соучастия в девиациях. Завтра на его место назначат другого преподавателя — более молодого, с чистым биометрическим профилем, а его самого тихо отправят в соседний отсек для «профилактической разгрузки».

Второй голос был громче. Он был сыростью, солью, холодным ветром и тем странным, первобытным страхом, который он ощущал каждый раз, глядя на запертые за мощным бетоном шлюзы внешней границы.

«Она просто помнила, как шумел настоящий прибой», — прозвучало в памяти эхо утренних слов старухи.

Фрэнсис резко отдернул руки от терминала, словно панель раскалилась добела. Он поднялся из кресла и подошел к зеркальной стене — единственной отражающей поверхности в кабинете, разрешенной преподавателям высшей категории для контроля внешнего вида.

Из зеркала на него смотрел безупречный, вышколенный учитель двенадцатого сектора. Аккуратно зачесанные светлые волосы, ровный пробор, идеально сидящий серый воротник, бледная, лишенная загара кожа человека, который всю жизнь видел солнце только через светофильтры защитного купола, никакой растительности на лице. В его глазах не было бунта. Там была лишь страшная, звенящая усталость человека, который внезапно осознал, что его личная клетка не имеет дверей.

Часть 2. Архитектура побега

Около трех часов дня, воспользовавшись официальным часом административной паузы, Фрэнсис вышел в служебные коридоры нижнего технологического уровня.

Сюда не спускались ученики, и здесь редко появлялись инспекторы. На этом уровне проходили основные коммуникации сектора: кабельные трассы высоковольтного питания, трубы систем кондиционирования и главные коллекторы отвода технического конденсата, уходившие своими железобетонными горловинами прямо к основанию береговой линии, туда, где за массивным барьером плескался запретный океан.

Фрэнсис шел медленно, сверяясь с картой старой городской инфраструктуры, которую ему удалось скачать из закрытого архивного блока под видом подготовки лекции по истории строительства защитных сооружений.

Схема показывала то, о чем официальные учебники предпочитали молчать.

Жилые секторы двенадцатого района строились на месте старых прибрежных низин. Когда Высшие возводили периметральный купол, они не стали полностью перестраивать древнюю дренажную систему — они просто замуровали ее массивными стальными решетками и подключили к автоматическим насосам высокого давления.

Но любая автоматика имеет свои циклы. Каждые несколько часов система сброса излишней влаги на короткое время переключала клапаны, снижая напряжение на контрольных решетках, чтобы избежать короткого замыкания от соленого морского тумана.

Это окно было ничтожно мало.

Фрэнсис остановился перед тяжелой герметичной дверью с предупреждающим желтым знаком: *«Технический сектор 4-Б. Выход к внешней зоне строго запрещен. Опасность летального поражения током»*.

Он протянул руку к ручке шлюза. Металл был холодным. Сердце в груди забило так громко, что, казалось, его стук эхом разносится по всему пустому коридору. До начала ночной смены оставалось еще девять часов, но решение было принято.

Он не мог спасти Эдит от медицинского блока — к моменту ночной смены ее ячейка уже будет заблокирована усиленным патрулем. Но он мог сделать то, к чему подсознательно готовился все эти годы.

Он должен был увидеть то, что находилось за стеной.

Фрэнсис глубоко вдохнул стерильный воздух технического этажа, оглянулся на пустой коридор, где над дверью безмолвно мигал зеленый глаз камеры наблюдения, и решительно повернул тяжелый рычаг шлюза.

Часть 3. За герметичным затвором

Тяжелая стальная дверь шлюза подалась с долгим, натужным гудением пневматики.

В лицо Фрэнсису пахло совершенно иначе, чем в жилом блоке или в классах Школы. Здесь не было стерильного озона и подогретого до двадцати одного градуса комфорта. Воздух в техническом коридоре был сырым, тяжелым, пахнущим машинным маслом, старой ржавчиной, затхлой водой и глубоким, подземным холодом.

Фрэнсис шагнул за порог и плотно затворил за собой дверь. Механизм защелкнулся с глухим металлическим лязгом, отрезая звуки благополучного двенадцатого сектора.

Единственным источником света здесь служили редкие, тусклые лампы аварийного освещения в защитных проволочных сетках, вмонтированные в низкий бетонный потолок. Они отбрасывали длинные, дрожащие тени на шершавые стены, покрытые потеками технического конденсата.

Фрэнсис стоял на узком металлическом мостике, тянувшемся вдоль гигантской трубы ливневого стока. Внизу, в темноте бетонного желоба, с монотонным, зловещим звуком плескалась вода. Это была не та чистая, отфильтрованная влага, которую пили жители Клетки. Это был технический дренаж — смесь дождевых стоков, химикатов с очистительных станций и соленой микропыли, просачивавшейся через микротрещины внешнего периметра.

Он сделал несколько шагов вперед, прислушиваясь к собственному дыханию.

Каждый шаг отдавался гулким эхом в узком железобетонном тоннеле. Страх — холодный, липкий, парализующий — сжимал горло, но под ним пробивалось странное, опьяняющее чувство абсолютной автономии. Здесь, в этой бетонной кишке, не было камер наблюдения. Не было беспристрастных линз Вэнса, не было безмолвных Смотрителей и бесконечных графиков эффективности.

Здесь начиналась зона, которую Высшие разумы предпочли бы вырезать из памяти всего человечества.

Фрэнсис сверился со схемой на миниатюрном дисплее своего планшета, прикрывая экран ладонью, чтобы тусклый свет не привлекал внимания случайных датчиков автоматики.

До выхода к береговой линии оставалось около трехсот метров по сужающемуся техническому штреку. Согласно чертежам, именно в конце этого штрека находилась та самая дренажная решетка, у которой во время циклов сброса давления ослабевало напряжение.

Он глубоко вдохнул сырой, тяжелый воздух, застегнул воротник робы повыше и двинулся вглубь тоннеля, навстречу первобытному мраку, еще не подозревая, какое открытие ждет его впереди.

Часть 4. На границе миров

Чем дальше Фрэнсис продвигался по узкому мостику, тем сильнее менялась окружающая действительность.

Стерильный мир Клетки, выстроенный Высшими разумами с хирургической педантичностью, рушился с каждым его шагом. Здесь, на нижнем уровне технического сектора, бетонные стены больше не были идеально ровными — они покрылись глубокими трещинами, из которых просачивалась мутная, соленая вода. На трубах и крепежных балочных узлах висели влажные, темно-зеленые хлопья налета, похожего на древний лишайник.

Воздух становился все холоднее. Он уже не просто пах сыростью — он впивался в легкие острыми, коловшими изнутри иглами соли.

Фрэнсис вынужден был согнуться в три погибели: железобетонный штрек постепенно сужался, превращаясь в круглое жерло коллектора. Стены здесь были настолько гладкими и скользкими от слизи, что учителю приходилось упираться ладонями в шершавые стыки плит, сдирая кожу на пальцах. Но он даже не замечал этой боли.

Впереди, в глубине крошечной тьмы, зарождался звук.

Это не был ровный, усыпляющий гул городских вентиляторов или тихий свист подземного транспорта. Звук был огромным, рваным, нерегулярным. Он приходил волнами: сперва глухой, тяжелый удар, от которого вибрация пробивала подошвы легких туфель, затем — протяжный, шипящий вздох и мягкое, шуршащее эхо.

Океан.

Фрэнсис замер на корточках, прижавшись лбом к холодному бетону. Сердце билось в ребрах с такой силой, что ему казалось, будто оно сейчас разорвет серую ткань робы. В учебниках Департамента Оптимизации океан описывался как «аморфная, непригодная для взаимодействия жидкая масса с высоким уровнем химической агрессии». Но этот звук... в нем не было химической сухости. В нем слышалась первобытная, слепая и ничем не ограниченная сила.

Он преодолел последние двадцать метров штрека полуползком.

Тоннель уперся в массивную стальную решетку из толстых, изъеденных ржавчиной прутьев. За ней начинался небольшой бетонный уступ — срез очистительной станции, нависавший прямо над черной, кипящей бездной.

Фрэнсис подполз к решетке вплотную. Металл тихо, угрожающе гудел — по прутьям шел ток высокого напряжения. Индикатор на защитном блоке справа от решетки горел тревожным, ровным красным светом.

Он взглянул на циферблат своих часов.

23:58:12

До планового сброса технического конденсата и временного отключения высокого напряжения оставалось ровно сорок восемь секунд.

Часть 5. Первое прикосновение

Фрэнсис затаил дыхание, уткнувшись лбом в прохладную раму терминала. В ушах шумела кровь.

Вдруг глубоко в недрах очистительной станции что-то тяжело заскрежетало. Раздался шипящий стравливающий звук гидроклапанов, и красный светодиод на блоке решетки резко мигнул, сменив цвет на тусклый, белесый амбер. Гудение высокого напряжения мгновенно прекратилось.

Четыре минуты. Таймер пошел.

Фрэнсис не стал медлить. Он нажал на ржавый фиксатор, и нижняя секция решетки с сухим треском подалась вверх, открывая узкий, полуметровый проход у самого пола.

Учитель протиснулся сквозь металлическую раму, сдвигая плечи о шершавые края, и выскочил на бетонный уступ.

И сразу же остановился, ошеломленный.

Перед ним не было стен. Не было потолочных панелей. Не было лазурных светофильтров.

Перед ним простиралась Ночь.

Она была огромной, бездонной и совершенно черной. Низкие, рваные тучи неслись над океаном с бешеной скоростью, и сквозь их разрывы на секунду проглядывал чистый, ледяной мрак открытого космоса. Внизу, в пяти метрах под его ногами, с грохотом билась о бетонную основу стены черная, покрытая фосфоресцирующими гребнями вода.

Холодный, штормовой ветер ударил Фрэнсису в лицо. Он был настолько сильным, что учителю пришлось вжать спину в шершавую стену коллектора, чтобы не потерять равновесие. Ветер пах солью, гниющими водорослями и той самой *мокрой травой*, о которой говорила Эдит.

Фрэнсис зажмурился. Водяная пыль — соленая, ледяная, реальная — накрыла его с головой. Она забивалась в нос, осела белой коркой на губах, вымочила серую учительскую робу.

Он открыл глаза, опустил на колени у самого края бетона и дрожащей рукой коснулся поверхности ледяной воды.

Никакой алгоритм Высших, никакой учебник или методичка не могли передать этого ощущения. Вода не была просто химическим соединением. Она была живой. Она обжигала пальцы холодом, она выталкивала его руку вверх, она дышала, стонала и двигалась по своим собственным, неизвестным Клетке законам.

В этот момент Фрэнсис окончательно понял: старуха Эдит была абсолютно права. А он, с его лекциями о милосердной изоляции, его графиками и его правильным серым воротником, всю жизнь был лишь слепым глупцом, стерегущим пустую фантомную декорацию.

На секунду ему показалось, что далеко внизу, под темной толщей соленой воды, проскользнул огромный, фосфоресцирующий силуэт, режущий глубину плавным виражом. Но Фрэнсис не успел разглядеть его — на циферблате оставалось всего тридцать секунд, и в глубине тоннеля уже нарастали высокие, предупреждающие звуки трансформатора.

Он вытащил мокрую руку из воды, перемахнул через уступ и втиснулся обратно за решетку за секунду до того, как фиолетовые разряды высокого напряжения снова вспыхнули на стальных прутьях.

Глава 3. Ночь утилизации памяти

«Сомнение есть повреждение структуры. Тот, кто оглядывается назад, уже сделал шаг к распаду».

— Из сборника инструкций по социальной гигиене Департамента Оптимизации.

Часть 1. Соленая корка

Фрэнсис пролез обратно через узкое жерло коллектора, с трудом протиснувшись сквозь раму заградительной решетки за секунду до того, как фиолетовые разряды снова налились гудящей смертельной силой.

Оказавшись в сухой, безжизненной тишине технического коридора, он упал на колени прямо на холодный бесшовный пол. Его тело дрожало от мелкой, непрекращающейся судороги — не столько от холода, сколько от дикого, животного ужаса.

Сердце колотилось где-то в самом горле. На локтях и ладонях горели ссадины, из которых сочилась кровь, перемешанная с черной слизью коллектора. Но хуже всего была соль. Ледяная океанская вода быстро высыхала на его коже и ткани робы, превращаясь в белую, хрустящую корку.

«Сканеры, — вспыхнула в сознании паническая мысль. — На входе в жилой блок стоят биометрические анализаторы. Если они зафиксируют следы органической соли и минералов внешней среды, сигнал тревоги уйдет в Департамент автоматически».

Фрэнсис судорожно поднялся на ноги. Спотыкаясь о выступы кабельных коробов, он бросился к узлу санитарной обработки нижнего уровня.

У него оставалось не больше двадцати минут до того, как его отсутствие в ячейке выйдет за рамки допустимого лимита «физиологического движения».

В тесной, облицованной белым пластиком душевой кабине он включил горячую воду на полную мощность. Парящие струи сшибали с тела соляной осадок, смывали кровь и грязь, но даже под раскаленным потоком Фрэнсис не мог согреться. Он тер кожу жесткой мочалкой до тех пор, пока она не пошла пунцовыми пятнами, пытаясь уничтожить последний микрограмм чужого, дикого мира.

Его серая учительская роба, вымоченная в океанской воде, отправлялась в раздатчик автоматической регенерации. Камера уничтожения одежды тихо загудела, растворяя волокна в кислотной ванне и мгновенно выдавая из соседнего отсека абсолютно новый, идентичный комплект — сухой, стерильный, пахнущий нейтральной термической обработкой.

Фрэнсис оделся, проверил воротник и шагнул в жилой коридор.

Он снова выглядел безупречно. Ни единого пятна, ни единой складки. Но когда он проводил ладонью по губам, на языке все еще оставался горьковатый, неистребимый привкус настоящей морской соли.

Часть 2. Изъятие

Ровно в 23:55 Фрэнсис лежал на своей койке в ячейке №814.

Потолочная панель работала в режиме ночного затухания, заливая комнату тусклым синеватым свечением. Вентиляция монотонно шелестела, подавая успокоительную химическую смесь.

Он не спал. Его глаза были широко открыты, а слух обострен до предела.

Настенные цифровые часы отсчитывали последние секунды перед полночью.

23:59:58

23:59:59

00:00:00

В коридоре жилого блока раздался тихий, едва различимый звук — шелест мягких полимерных подошв по полу. Этот звук был настолько неслышным, что обычный, усыпленный газом человек не смог бы его разобрать. Но Фрэнсис знал, что это значит.

К ячейке Эдит подошел медицинский патруль.

Не было ни стука в дверь, ни зачитывания приказа, ни шума борьбы. В Клетке изъятие элементов происходило с абсолютной, хирургической бесшумностью. Фрэнсис представил, как прозрачная дверь ячейки старухи бесшумно уходит в стену. Как двое молчаливых операторов в белых халатах с немигающими глазами подходят к ее койке. Короткий укол инъектора в шею — и нейронные связи, хранящие воспоминания о мокрой траве, ветре и шуме прибоя, начинают распадаться, превращаясь в серый когнитивный шум.

Через три минуты шаги удалились.

Фрэнсис медленно повернул голову к окну-экрану. На нем все так же транслировался идеальный, неподвижный ночной пейзаж сектора 12 — ровные ряды освещенных башен, идеальные улицы и чистое, искусственное небо без единой звезды.

Эдит больше не существовало. Завтра ее парту в классе №412 демонтируют, заделав отверстия в полу бесшовным пластиком, а ученики даже не вспомнят, кто сидел на последнем ряду. Система сотрет ее имя в списках живого ресурса так же легко, как каучуковый ластик стирает графитовый след с листа бумаги.

Фрэнсис сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Впервые в жизни он ощутил не страх перед системой, а глухую, выжигающую изнутри ненависть.

Часть 3. Второе погружение

Следующие два дня прошли для Фрэнсиса в состоянии странного, отстраненного анабиоза.

Он проводил лекции, механически произносил заученные формулировки о пользе изоляции, отвечая на приветствия Вэнса с безупречной точностью робота. Но внутри него все изменилось. Он больше не был частью этой Клетки. Он стал лазутчиком, чужаком, временно надевшим серую робу учителя.

Каждые сорок восемь часов, в свой личный час глубокой профилактики, Фрэнсис возвращался в технический сектор.

Он научился преодолевать узкий штрек коллектора за сорок пять секунд, не обращая внимания на боль в содранных локтях. Он изучил график работы автоматических гидроклапанов до доли секунды.

В ночь на пятницу океан был спокойнее. Шторм улегся, оставив после себя лишь тяжелую, маслянистую зыбь, обрушивавшуюся на бетонный откос с глухим, ритмичным вздохом.

Фрэнсис выскочил на уступ, опустил на колени у самого края и опустил босые ноги в ледяную воду.

Четыре минуты. Таймер уже заработал.

— Эдит больше нет, — шепнул он в темноту, зная, что его слышит только рев прибора. — Они ее забрали.

Вода у бетона резко вспучилась.

Из черной глубины, прорезая фосфоресцирующий планктон, медленно поднимался гигантский, темный силуэт. Это был не обломок кабеля и не игра света.

Из соленой бездны к самому уступу вынырнула огромная тупая морда хищника.

Фрэнсис замер, боясь сделать даже вздохнуть. Прямо перед ним, в полуметре от его обнаженных ног, качался на волнах колоссальный гибрид, непонятная смесь двух морских существ. Его кожа была темной и шершавой, похожей на остывшую вулканическую лаву, а над пастью возвышались мощные костяные гребни.

Но самым страшным — и одновременно самым невероятным — был его взгляд.

У существа не было мелких, недалеких глаз обычной рыбы. На Фрэнсиса смотрел огромные, неподвижные янтарные глаза, расставленные далеко друг от друга, по бокам морды, в которых отражался тусклый свет аварийных сирен Клетки. В этом взгляде не было хищной злобы или голода. В нем читалось тяжелое, нечеловеческое внимание и глухое вопрошание.

Хищник и человек замерли друг перед другом на краю двух несовместимых миров.

Фрэнсис медленно, боясь испугать гиганта резким движением, поднял ладонь. Акула не отпрянула. Ее тяжелые жаберные щели судорожно сократились, пропуская тонны соленой воды, но спинной гребень остался на поверхности.

Между ними не было слов. Не было общего языка. Но в эту секунду, под предупреждающий свист включающегося трансформатора за спиной, Фрэнсис понял: он больше не одинок в этой бетонированной пустыне.

Глава 4. Молчаливый пакт

«Связь с неконтролируемой биомассой за пределами контура есть высшая форма биологической измены. Тот, кто протягивает руку бездне, неизбежно будет затянут в нее».

— Из Кодекса безопасности Департамента Оптимизации, статья 108.

Часть 1. На грани разряда

Предупреждающий свист трансформатора за спиной Фрэнсиса перерос в высокое, разрывающее барабанные перепонки верещание.

Автоматика гидроклапанов заканчивала цикл сброса. На стальном блоке управления белесый индикатор судорожно мигнул, готовясь снова налиться смертоносным фиолетовым огнем. До подачи высокого напряжения оставалось не больше четырех секунд.

Фрэнсис отдернул руку от воды.

Пальцы судорожно впились в мокрый бетон уступа. Рывок назад был отчаянным: учитель буквально забросил свое тело в полуметровый лаз под решеткой, сдирая бока и локти о ржавый металл рамы.

Он упал на брюхо в узкую бетонную трубу коллектора в тот самый миг, когда за его пятками с грохотом и треском вспыхнула фиолетовая дуга высокого напряжения.

Воздух в штреке мгновенно заполнился тяжелым, удушливым запахом паленого пластика. Электрический разряд такой силы мог за долю секунды превратить человека в обугленный обрубок.

Фрэнсис лежал во мраке, уткнувшись лицом в мокрую, пахнущую илом слизь, и его тело сотрясала крупная, неуправляемая дрожь. Он не мог подняться. Легкие горели от недостатка кислорода, а в ушах все еще стоял гулкий, ритмичный удар волн о бетонное основание стены.

Но надо всем этим — над страхом смерти, над болью в содранных локтях, над шипением тоководущих прутьев — доминировала одна-единственная, почти навязчивая мысль:

«Не напал. Хищник, способный перекусить человека пополам одним смыканием челюстей, считающийся для Клетки опасным чудовищем, остался равнодушен от вида человеческой плоти».

Фрэнсис с трудом подтянул колени, поднялся на четвереньки и пополз обратно по сужающемуся тоннелю — прочь от заградительной решетки, прочь от рева океана, назад, к фальшивому уюту стерильных коридоров.

Часть 2. Биохимия подозрения

Следующее утро началось для Фрэнсиса не со звука утренней стабилизации, а с ощущения острого, лихорадочного недомогания.

Ссадины на локтях и пальцах, полученные во время поспешного бегства через решетку, воспалились. Соленая морская вода и техническая слизь коллектора занесли в микротрещины кожи чужеродные микроорганизмы. К моменту, когда под потолком ячейки зажегся мягкий свет, суставы его рук горели, а температура тела поднялась на полтора градуса.

Для обычного человека в древнем мире это была бы банальная бытовая царапина. Для жителя Клетки это был катастрофический сбой.

В стерильной среде Архипелага люди практически не сталкивались с инфекциями. Любое отклонение биометрических параметров мгновенно фиксировалось настенными датчиками, а повышенная температура тела расценивалась автоматикой как признак «биологической деградации ресурса».

Фрэнсис подошел к встроенному в стену медико-распределителю.

Индикатор на панели мигал тревожным желтым светом.

— Объект «Фрэнсис», — раздался из динамика ровный синтезированный голос. — Зафиксировано повышение температуры до тридцати семи и восьми десятых градуса. Обнаружены локальные воспалительные процессы на кожных покровах верхних конечностей. Рекомендована немедленная явка в санитарный блок №3.

— Вспышка бытовой аллергии на моющее средство, — быстро проговорил Фрэнсис, заставляя свой голос звучать ровно и уверенно. — Требуется стандартный антисептический гель и регенерирующая пленка. Причина устранена.

Он нажал кнопку ручного запроса, молитвенно надеясь, что центральный процессор не переведет запрос в категорию «высокого риска».

Секунды ожидания казались вечностью. В глубине стены сработало реле, и в нише появилась маленькая, прозрачная капсула с густой пастой нейтрального цвета — сбалансированным антисептиком широкого спектра действия.

Фрэнсис выдохнул, подхватив капсулу.

Он тщательно обработал поврежденные места. Густой гель мгновенно вступил в реакцию с кожей, затягивая ссадины плотной, прозрачной полимерной пленкой, которая скрывала красноту и блокировала выделение воспалительного экссудата. Внешне его руки снова выглядели безупречно.

Но когда он наносил медицинский гель на раны, в его голове вспыхнула новая, дерзкая идея.

Он посмотрел на оставшуюся половину капсулы. Защитная пленка, затягивающая органические ткани... Антисептик, нейтрализующий химические ожоги и инфекции...

Фрэнсис вспомнил темный силуэт акулы у бетонированного откоса. Он вспомнил, как под костяным гребнем гибрида, у самого основания грудного плавника, проглядывали глубокие, рваные рубцы — следы от стальных кабелей и донных сетей, которыми Высшие перегородывали глубоководные секторы. Океан был свободен, но он был изуродован ранами, нанесенными Клеткой.

Фрэнсис не выбросил капсулу в утилизатор. Он аккуратно спрятал ее в подкладку своей преподавательской робы.

Это был его первый сознательный шаг от простого созерцателя к участнику. Он собирался красть медикаменты у города, чтобы лечить хищника из бездны.

Часть 3. Взгляд через линзы

В 08:30 Фрэнсис стоял перед входом в главный холл Школы исправления.

Дворец белого композита сегодня выглядел иначе. Учеников не было в коридорах — занятия после изъятия Эдит перевели в дистанционный формат, как и обещал Вэнс. Место подростков заняли усиленные патрули. Через каждые тридцать метров стояли Смотрители нового поколения — их неподвижные, розоватые туловища казались монолитными продолжениями стен, а огромные, влажные глаза без век методично сканировали пространство.

Фрэнсис шел по центральной разметке, стараясь сохранять стандартную скорость — ровно сто шагов в минуту.

— Учитель Фрэнсис.

Голос Вэнса застал его у самого подъема на второй уровень.

Старший наставник стоял у подножия белой колонны, заложив руки за спину. В его правой руке находился планшет с прозрачным биометрическим экраном, на котором пульсировали свежие графики состояния сотрудников сектора.

Фрэнсис остановился, повернувшись к куратору и принял строгую уставную стойку.

— Доброе утро, старший наставник.

Вэнс медленно подошел вплотную. Толстые линзы отражали стерильный свет потолочных панелей, полностью скрывая выражение глаз.

— Ваша ячейка подала сигнал о локальном воспалительном процессе в семь сорок пять, — произнес Вэнс без прелюдий. Голос куратора был сухим, как шелест старой бумаги. — Температурный скачок. Использование антисептического ресурса первой категории.

— Незначительный порез при обслуживании термического распределителя в блоке, — с абсолютной невозмутимостью отозвался Фрэнсис, слегка вытянув вперед руки, чтобы Вэнс мог видеть ровную, безупречную прозрачную пленку на его пальцах. — Процесс купирован. Готов к выполнению методических задач.

Вэнс не взглянул на руки. Он смотрел прямо в лицо Фрэнсису.

— Ресурс Клетки должен расходоваться рационально, Фрэнсис, — тихо проговаривал куратор, подступая еще на полшага ближе. От него исходил стойкий запах химической стерилизации. — Мы заметили, что в последние дни ваши биометрические показатели демонстративно нестабильны в ночные часы. Пульс во время сна превышает норму на восемнадцать процентов. Вы не отдыхаете, коллега. Ваше сознание... чем-то занято.

Фрэнсис почувствовал, как спина под серой тканью робы покрывается липким потом, но его лицо оставалось застывшей маской.

— Переработка методических материалов по утилизации когнитивного шума, старший наставник, — ответил он, не моргая. — После инцидента с объектом Эдит я пересматриваю концептуальные подходы к преподаванию.

Вэнс молчал. В коридоре слышалась только тихая, едва уловимая вибрация подземных насосов Очистительной станции.

— Похвальное усердие, — наконец произнес куратор, но в его тоне не было ни капли похвалы. — Однако помните: слишком глубокое погружение в тему девиаций часто приводит к тому, что исследователь сам начинает проявлять ее симптомы. Департамент Оптимизации назначает вам плановую проверку нейронного профиля. Через двое суток.

Вэнс развернулся и пошел прочь по коридору. Его шаги звукоизолировались полимерным покрытием пола.

Двое суток.

У него оставалось сорок восемь часов. Через двое суток сканеры нейронного профиля неизбежно обнаружат изменения в структуре его головного мозга — следы эмоционального

всплеска, воспоминания о соленом ветре и образ осознанных янтарных глаз, который не поддавался никакой очистке.

Времени больше не было. Невидимая петля Клетки затягивалась на его шее.

Глава 5. Лекарство для бездны

«Любое несанкционированное вмешательство в биологическую среду за пределами контурной зоны расценивается как умышленный вред инфраструктуре Архипелага. Бездна не подлежит исцелению — она подлежит изоляции».

— Из Инструкции по санитарно-экологической безопасности, раздел 4.

Часть 1. Сорок восемь часов

Как только шаги Вэнса затихли в длинном белом коридоре, в голове у Фрэнсиса начался обратный отчет.

Сорок восемь часов. Двое суток до того момента, когда сканеры Департамента Оптимизации просмотрят каждую нейронную связь в его мозге, счищая слой за слоем, как скальпель хирурга. Они найдут там не просто нарушение режима сна. Они найдут запах соли, образ растворяющейся в блоке Эдит и огромный темный силуэт, погружающийся в морскую бездну.

Вернувшись в свою ячейку после короткого дежурства, Фрэнсис первым делом достал из подкладки робы прозрачный тюбик с медикаментом.

Антисептический гель приятно охлаждал пальцы. В стерильном мире Клетки этот состав использовался для мгновенного заживления бытовых порезов и термических ожогов у сотрудников. Но его биохимическая формула была универсальной: плотный полимер создавал на поврежденной ткани воздухонепроницаемую, эластичную пленку, которая не смывалась даже агрессивной химической средой и подавляла развитие любых патогенов.

Фрэнсис спрятал тюбик в глубокий внутренний карман, закрепив его полоской технического пластыря, чтобы тот не выпал при движении по узкой трубе коллектора.

Его движения были точными, почти механическими. Страх перед нейронной проверкой Вэнса больше не парализовал его — напротив, он превратился в холодный, рассудительный расчет. Когда у человека забирают будущее, у него исчезают причины бояться настоящего.

Он лег на койку и закрыл глаза, имитируя стандартную фазу дневного восстановления ресурса. Настенные датчики зафиксировали ровный пульс. Фрэнсис научился контролировать свое дыхание, уводя мысли в сторону от тревоги, концентрируясь лишь на одном: сегодня ночью он вернется к решетке.

Часть 2. Сквозь усиленный контур

Ночной сектор встретил его звенящей, напряженной тишиной.

Из-за изъятия Эдит и введения усиленного режима контроля схемы патрулирования жилого блока изменились. На перекрестках верхнего яруса теперь дежурили не только редкие технические дроны, но и пара Смотрителей нового поколения. Их неподвижные, лишённые век глаза поблескивали в синеватом полумраке, сканируя пространство на предмет любых отклонений температуры тела и траектории движения.

Фрэнсису пришлось изменить привычный маршрут.

Вместо прямого спуска через центральную лифтовую шахту он прошёл через вентиляционный коллектор четвертого сектора — узкий, заброшенный штрек, где когда-то проходили силовые кабели первой очереди Архипелага. Каждое движение приходилось проделывать с ювелирной точностью, чтобы случайно не задеть высоковольтные шины, гудевшие в полуметре над головой.

Его пальцы, все ещё покрытые тонким слоем защитной пленки, цеплялись за ржавые скобы.

Когда он наконец выбрался к герметичному затвору Технического сектора 4-Б, часы показывали 23:42.

До начала цикла сброса конденсата оставалось восемнадцать минут.

Фрэнсис повернул тяжело поддавшийся рычаг шлюза. На этот раз он не колебался. Заскочив в гулкий, пахнущий машинным маслом и сыростью коридор, он привычно пригнулся и бросился по узкому мостику вглубь железобетонного жерла.

Часть 3. Живой рубеж

Океан за решеткой штормил.

Тяжелые, черные волны с грохотом рушились на бетонированный откос, обдавая металл заграждения столбами ледяной соленой пены. Ветер гудел в узком горле коллектора, как гигантский орган, выдувая из него последние остатки стерильного городского тепла.

Фрэнсис замер у стальных прутьев, прижавшись лбом к прохладному терминалу.

23:59:58

Индикатор на защитном блоке мигнул, сменив фиолетовое свечение на тусклый амбер. Гудение высокого напряжения мгновенно смолкло.

Фрэнсис одним резким движением подтолкнул вверх нижнюю секцию решетки, протиснулся сквозь узкую раму и выскочил на бетонный уступ, прямо навстречу ревущей ночной бездне.

Он опустился на колени у самого края бетона, не обращая внимания на соленые брызги, мгновенно вымочившие его робу.

— Ты здесь? — выдохнул он в темноту, понимая, что шум прибоя заглушит его голос.

Вода у бетона на секунду успокоилась, вспучившись маслянистым, темно-зеленым бугром.

Из глубины вынырнул огромный, знакомый силуэт.

Гибрид не просто приплыл — он держался у самого уступа с удивительной, почти противоестественной для такого гиганта осторожностью. Его массивный костяной гребень возвышался над водой всего в тридцати сантиметрах от рук человека, а морда была устремлена в сторону Фрэнсиса.

Учитель достал из кармана тюбик с антисептиком, сорвал защитный колпачок и выдавил на ладонь большую порцию густого, фосфоресцирующего геля.

— Замри, — тихо попросил Фрэнсис.

Он медленно, избегая резких движений, протянул руку к основанию спинного плавника хищника. Там, под плотным костяным щитком, темнела рваная, глубокая рана от стального кабеля — загноившийся, воспаленный рубец, облепленный глубоководными паразитами и разъеденный солью.

Когда пальцы человека с лекарством коснулись открытой раны, акула вздрогнула. Огромное тело гиганта напряглось, как стальная пружина, а хвост тяжело качнулся в воде, подняв тучу пены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.